Ю.Ю. Шевченко

О ВРЕМЕНИ ВОЗМОЖНОГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПЕЩЕРНОГО ХРАМА НА АЙ-ТОДОРЕ (ЧИЛТЕР-КОБА) В КРЫМУ (Полевые исследования 2009 г.)

Повторное визуальное обследование в июне-августе 2009 г. пещерных храмов Горного Крыма позволило сделать ряд выводов и открытий. Там, где сохранность позволяет, можно отметить хорошо диагностируемые *литургические устройства*, свидетельствующие о появлении пещерных христианских храмов Крыма в то время, когда престол и жертвенник уже являются обособленными литургическими объектами (V–VII вв.), а престол древнего типа примыкает к стене апсиды (до 692 г.) для служения литургии *перед престолом*.

Главенство основного храмового *литургического устройства* [Гайдуков 2009: 52–53] — престола — как средоточия всего, что в современном христианском мире называют *храмом*, не требует каких-либо доказательств. Центральное место престола в алтаре, обрамленное жертвенником с севера и диаконником с юга, нуждается в изучении генезиса этого центрального элемента *священного топоса* — храмового *наоса*, в его основополагающей — алтарной — части [Mathews 1980; Mango 1985; Шмеман 2004]. Уже отмечалось [Шевченко 2008; 2009а], что в самые ранние первохристианские времена *престол* и *жертвенник* были ***единым объектом*** [Голубцов 1995: 67–68; Беляев 2000: 175], составляя синонимы к самому термину *алтарь*, что следует из анализа посланий ап. Павла (1 Кор. 11: 18, 20–22, 33–34; 14: 34–35; Римл. 16: 3–4; Колос. 4: 15; Филим. 1: 2), сообщений Игнатия Богоносца, Тертуллиана и *Откровения* (11: 1–2) ап. Иоанна Богослова. Вывод такого анализа подтверждают *Постановления Апостольские* в записи Ипполита Римского середины III в., свидетельствующие, что «храм Божий <…> состоит из трех частей: *жертвенника* (*алтаря, престола.* — Ю.Ш.), места для *поклоняющихся* (*наоса*. — Ю.Ш.) и внешнего двора или преддверия (*нартекса*. — Ю.Ш.)» [Голубцов 1995: 67–68, 70, прим. 2].

Наиболее ранние христианские храмы Ближнего Востока [Wilkinson 1978: 110; 1981: 49–50; Berder 1988: 10–31; Taylor 1993: 241–242] с единым литургическим устройством, примыкающим к алтарной стене (совмещающие функции престола и жертвенника), характерны для древнейших времен и функционируют уже в IV в. [Taylor 1993; Taylor, Gibson 1994; Gibson 2005]. К таким относятся пещерная церковь («Плат Вероники») на «Станции № 6» по Via Dolorosa в Иерусалиме, пещерная крипта храма Рождества Богородицы в доме праведных Иоакима и Анны у «Львиных ворот» Иерусалима, придел «Голгофа» храма Гроба Господня и «Темница Христова» в Претории (рис. 1).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

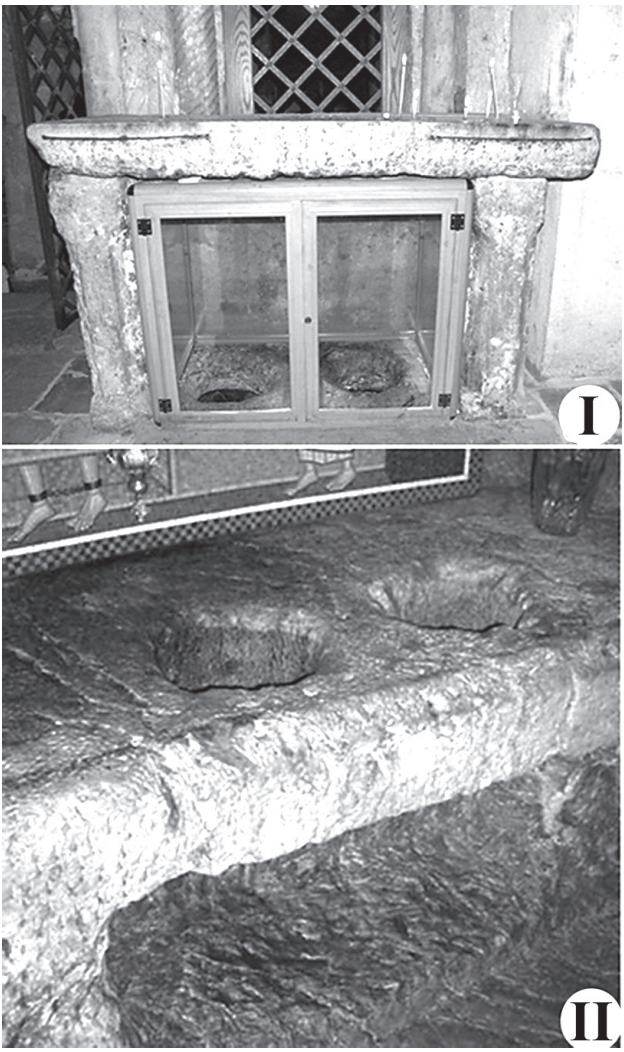

Рис. 1.

I. Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным «пронимальным» отверстием (слева) возле придела «Голгофа» в Воскресенском храме (Анастасисе) Гроба Господня в Иерусалиме. Палестина.

II. Поверхность (менза) престола с чашеобразным углублением (справа) и сквозным, «пронимальным» отверстием (слева) в приделе «Темница Христова» в Претории у Воскресенского храма (Анастасиса) Гроба Господня в Иерусалиме. Палестина. Фотографии М.В. Соболевой. 2007 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

Выделение жертвенника как самостоятельного литургического устройства может быть связано со сложившимся в самые ранние первохристианские времена институтом диаконис. Обособление жертвенника в качестве самостоятельного литургико-терракту́рного[1] или архитектурно-канонического элемента храма соответствует отделению процесса подготовки Святых Даров, находящегося в ведении диаконисы (диакона), от непосредственного их преосуществления в Тело и Кровь, свершаемых архиереем (иереем). Как следует из анализа жития Саввы Освященного, выполненного проф. А.П. Голубцовым [1995: 50–51], уже к 473 г., во время обретения преп. Саввой пещерного храма, жертвенник является отдельным архитектурным (терракту́рным) элементом храмового пространства, а «на восточной ее (церкви. — *Ю.Ш.*) стене находится выступ (κογχη)» — престол древнего типа. К северу (слева) от престола расположено литургическое устройство, названное в Житии преп. Саввы диаконик: «С северной стороны отделение, похожее на диаконик» [Голубцов 1995: 51; Шевченко, Уманец 2006: 59–71], что соответствует древней литургической практике подготовки Святых Даров в жертвеннике именно диаконисами или диаконами.

Жертвенник, ставший обособленным архитектурно-каноническим объектом, не мог не повлиять на выделение и обособление самого алтарного пространства. Вначале жертвенник помещается внутри алтаря, но выносится непосредственно к его рубежу, чтобы быть доступным ***для всех верующих*** из наоса, — к *космиту* (*предалтарной преграде*) (рис. 2**:** I: *2,* III: *2, 3*; 3: II: *2,3*), как в храме «Донаторов» в Крымском Эски-Кермене [Гайдуков 2002: 71–75; Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005: 72–80]. После ликвидации института диаконис жертвенник в храмах выносился в наос, за пределы алтарного пространства [Муравьев 1846: 208], как это имеет место в пещерной церкви № 9 в Гёреми и иных храмах Крыма и Малоазийской Каппадокии (рис. 2: III: *2, 2 а, 3*; 3: I: *2, 3*).

Правомерно в этом плане и обращение к богатейшему материалу Крыма [Эрнст 1929; Репников 1935; Веймарн, Репников 1935; Веймарн 1958; Веймарн, Чореф 1978; Даниленко 1993; Герцен, Могаричев 1993; Могаричев 1997; Гайдуков 2002], где известна целая серия подземных храмов с престолом древнего типа, выполненным в виде выступа в объем алтаря. Таковы подземные церкви Инкермана (храм Евграфия и др.), храм № 4 Чилтер-Марморы (рис. 2**:** I: *1*), храм № 2 Шулдана, храмы «Успения» (рис. 2: II: *1*) и «Донаторов» (рис. 2: III: *1*) Эски-Кермена, Георгиевский Фиолента [Могаричев 1997: 113, 144–151, 213–263, 382, рис. 4: *3-7*, 40, 41, 49, 154, 185, 189, 198, 356]. Престолы этих храмовых *терракту́р* Таврики и их литургические особенности [Виноградов, Гайдуков, Желтов 2005: 72–80; Гайдуков, Желтов 2006: 76–85] те же, что

[1] Интересным представляется введенный В.М. Слукиным [1991] термин ***терракту́ра*** для обозначения ***подземной архитектуры.***

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

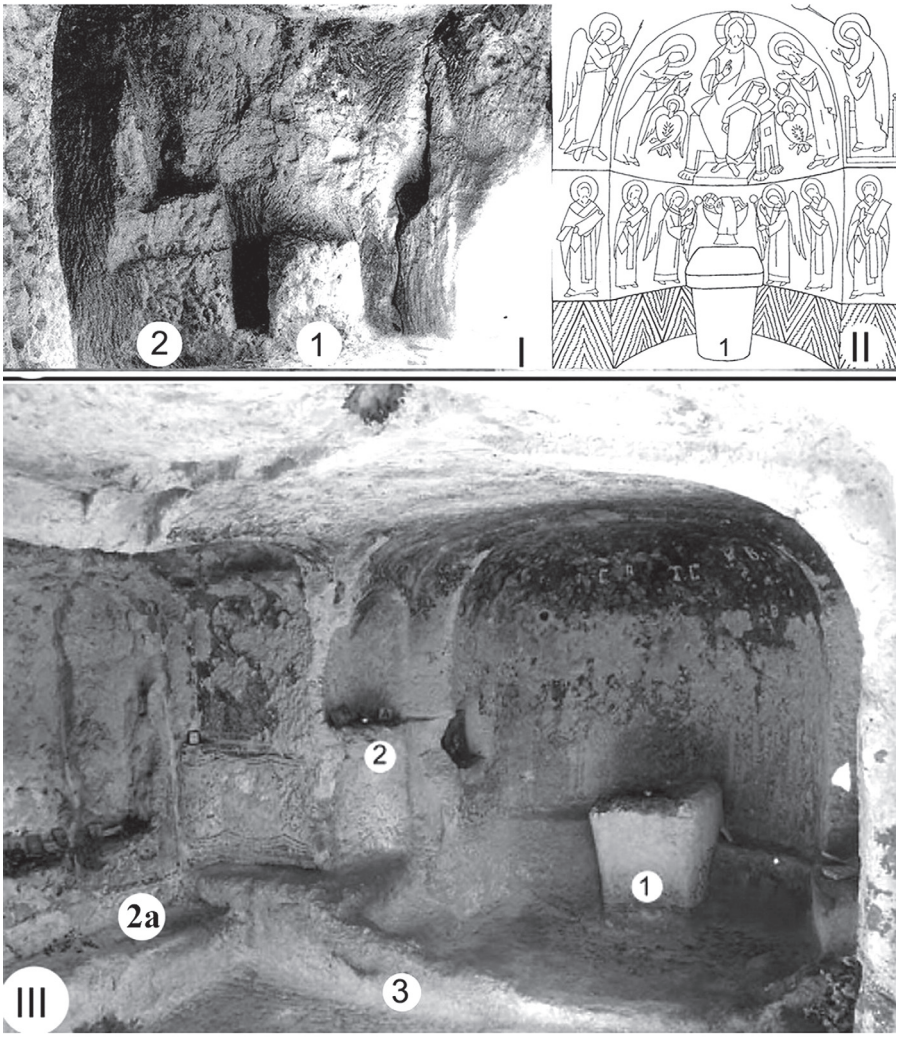

Рис. 2.

I. Престол (1) и ниша жертвенника (2) в пещерном «храме № 4» скального монастыря Чилтер-Мармора. Крым.

II. Реконструкция И.Г. Волконской алтарной части с престолом (1) пещерного храма «Успения» в Эски-Кермене, Крым.

III. Вид на литургическое устройство престола (1) и жертвенника в алтаре (2) у космита — предалтарной преграды (3) — и в наосе (2а) в храме «Донаторов» в Эски-Кермене, Крым. Фотографии С.В. Харитонова. 2003 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

и в «аркасолиях с погребениями мучеников», выполнявших функции престолов в помещениях крипт и кубикул римских катакомб, используемых в качестве наиболее ранних подземных молелен и мест служения литургии [Фрикен 1872: 61; Струков 1872: 5, прим. 8; 1876; 1879; 1882; Христианство 1993: 698; Порфирий 1996; Беляев 2000: 96, 108, прим. 40].

В связи с введением практики литургии по чину Василия Великого, проводившейся *вокруг престола* [Шмеман 2004], в храмах Константинопольской архиепископии уже с начала V в. престол занял позицию в центре алтарного пространства, что быстро распространялось в церквях и общинах, так или иначе связанных с Константинопольским патриархатом. Обособление жертвенника, его разделение с престолом произошло до этого — в очень древних храмах IV–VI вв. [Frend 1996: 149–150], где престол еще примыкал к алтарной стене.

В отличие от вошедших в таблицу Георги Атанасова (рис. 3: III) храмов с престолом по центру алтаря имеется множество пещерных храмов, в том числе в Каппадокии, «с развитым алтарным пространством, без притвора», но с престолом древнего типа, примыкающим к алтарной стене (рис. 3: I, II: *1*). Алтарь в пещерном храме № 1 в Кеслик Келези, как и в Гёреми (№ 5), отделен от наоса *космитом* — предалтарной преградой (рис. 3: I, II: *3*); жертвенник подземного храма в Кеслике вынесен в наос (рис. 3: I: *2*), как в Геремской церкви № 9, а в Гёремской пещерной церкви № 5 жертвенник размещен прямо на предалтарной преграде (рис. 3**:** II**:** *2*), как в храме «Донаторов» (см. рис.2**:** III**:** *2*) в Крымском Эски-Кермене. Это не единичные случаи, а проявление достаточно массовой литургической практики, но не географической — «малоазийской» («каппадокийской»), поскольку подобным образом сформировано околопрестольное пространство в очень ранних храмах Таврики (см. рис. 2: I, III), Египта [Шевченко 2008; 2008а: 458–462], Италии (местечко Моттолла близ г. Бари; Паоло в Сицилии), Подонья и Поднепровья [Шевченко 2006; 2006а; 2009а] и Ближнего Востока [Шевченко, Уманец 2006: 59–71]. Таковы *каноны* первохристианской литургической практики, имеющей хронологические рамки, обусловленные ранней фазой развития и нуждами литургики первохристианских времен.

В отличие от упомянутых памятников как чрезвычайно древний архитектурно-канонический элемент сформирован престол в алтарном пространстве Свято-Феодоровского (Ай-Тодорского) храма пещерного монастыря Чилтер-Коба, вырубленного в склоне горного мыса Ай-Тодор (рис. 4), еще раз обследованного автором в 2009 г. Выраженное полукружие внутренней апсиды соответствует пространству *алтаря* (рис. 5**:** *1–5*), четко отграниченного нишами-аркасолиями (рис. 5**:** *5*) от пространства *наоса* («место для *поклоняющихся*»), и соотносит эту пещерную церковь с подземными храмами «с выраженным алтарным пространством, без нартекса» (см. рис. 3**:** III), выделенными Георги Атанасовым [Атанасов 1992: 79–84; 1993: 61–73; 1994: 51–57, 69, табл. V: *18*] как храмы «каппадокийской традиции».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

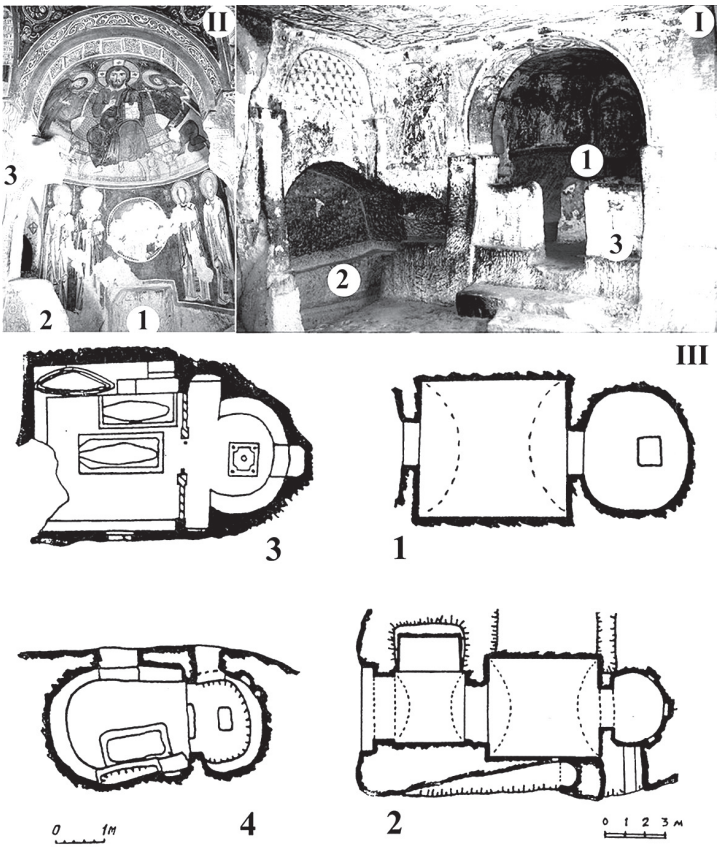

Рис. 3.

I. Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса космитом — предалтарной преградой (3) — и жертвенником, вынесенным в наос (2), в пещерном храме (№ 1) в Кеслик Келези. Каппадокия, Турция. Фотография М.В. Соболевой. 2004 г.

II. Вид на алтарь с престолом (1), отделенный от наоса *космитом* — предалтарной преградой (3) — и жертвенником, размещенным прямо на алтарной преграде, на границе алтаря и наоса (2), в пещерном храме (№ 5) в Гёреми. Каппадокия, Турция. Фотография М.В. Соболевой. 2004 г.

III. Планы пещерных храмов «каппадокийской традиции», по Георги Атанасову [1994: 69, табл. V]: 1: План пещерной церкви В-3 в Мурфатларе; 2: План скальной церкви в Гюз-Дере, Каппадокия; 3: Пещерная церковь в Мангупе, Южный монастырь, Крым; 4: План пещерного храма в Шулдане, Крым (у Г. Атанасова здесь ошибка: это храм св. Софии в Качи-Кальене [ср.: Могаричев 1997: 342, рис. 302])

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

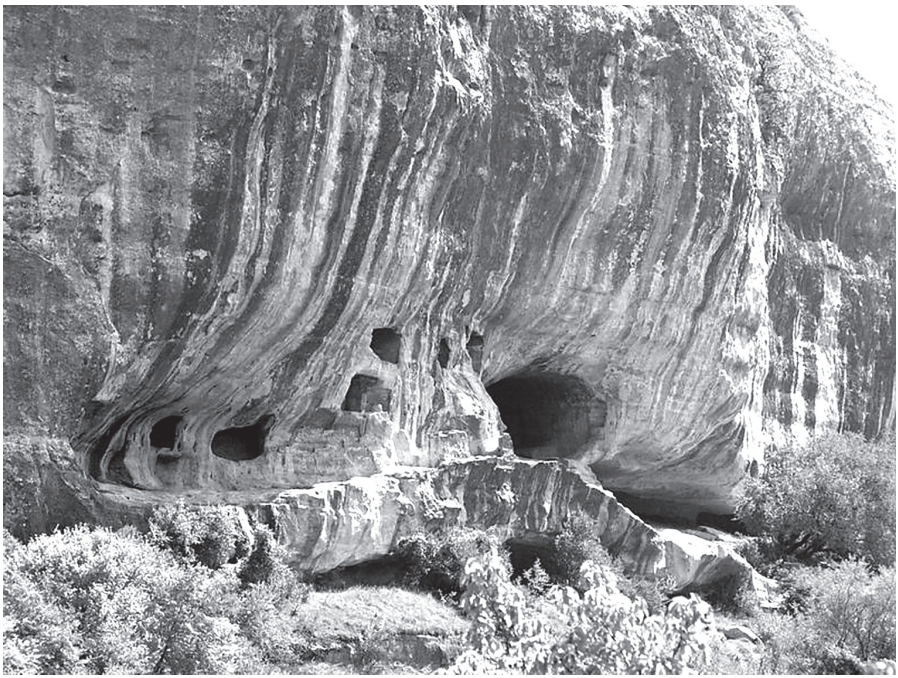

Рис. 4. Вид в 2005–2006 гг. на пещерный монастырь во имя св. вмч. Феодора Стратилата (Чилтер-Коба) в склонах отрога Ай-Тодор Внутренней гряды Крымских гор над долиной р. Бельбек. Фотография автора. 2006 г.

С точки зрения литургики, алтарь пещерного храма на горном мысу Ай-Тодор (Чилтер-Коба) близок планиметрии древнейших первохристианских храмов Ближнего Востока: его престол и жертвенник представляют некое пространственное единство. Ниша жертвенника (рис. 5**:** *2*; 6**:** I, II: *2*) в Чилтер-Кобе непосредственно примыкает к сохранившейся поверхности древнего престола (рис. 5**:** *1*; 6**:** I,II**:** *1*). Она представляет собой полку с углубленным дном, в виде чаши (рис. 6**:** II**:** *2*). А рядом, впритык к жертвеннику, расположена высеченная в скальном грунте костница-кимитирий (рис. 5**:** *3*; 6**:** I, II**:** *3*). Эта крипта, по сути, иллюстрирует слова Апокалипсиса (Откр. 6:9): «Под жертвенником души убиенных за слово Божие». Соответственно этому дно крипты-кимитирия углублено по отношению к уровню поверхности всего алтарного пространства пещерного храма Чилтер-Коба. Такое размещение погребального места освящает алтарь, и прообразует функции древнего жертвенника в литургии — *подготовку* Святых Даров, что предшествует функциям самого престола: непосредственное *преосуществление* хлеба и вина в Тело и Кровь.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

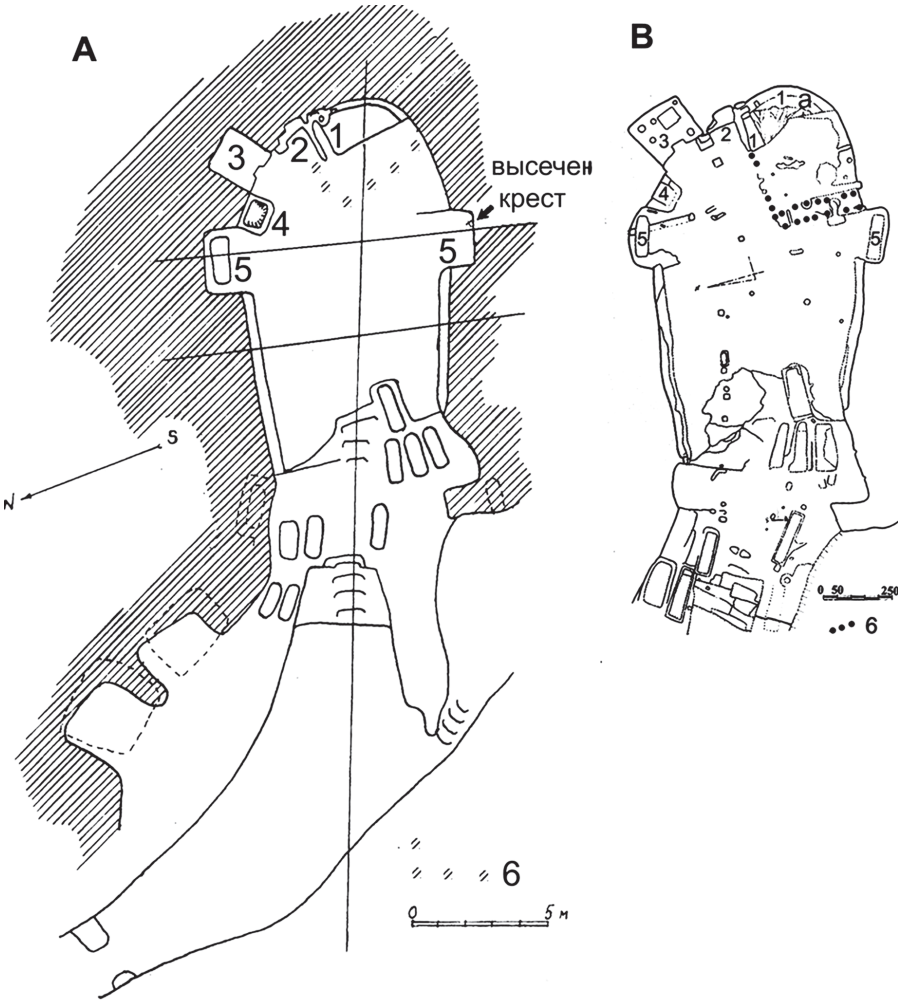

Рис. 5.

План храмовой пещеры на Ай-Тодоре (Чилтер-Коба): А — по Н.И. Репникову и Е.В. Веймарну (1935); В — по В.Н. Даниленко (1993). 1: Престол. 2: Полка жертвенника. 3: Крипта. 4: Купель баптистерия. 5: Погребальные ниши-стасидии. 6 (условное обозначение): Неровности пола, свидетельствующие о выделении «около престольного» пространства (типа кивория, моделировавшего первоначальный кувуклий в храме Гроба Господня в Иерусалиме)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

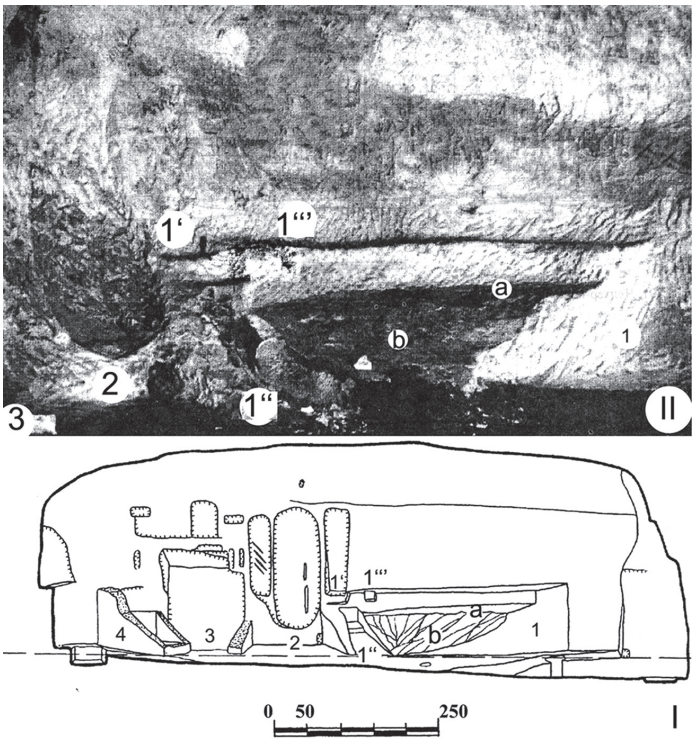

Рис. 6.

I. Алтарное пространство пещерного храма на горном мысу Ай-Тодор, по В.Н. Даниленко (1993).

II. Околопрестольное пространство в алтаре пещерного храма Ай-Тодор (фотография Е.В. Веймарна, Н.И. Репникова 1932 г., опубликованная В.Н. Даниленко [1993], и Ю.Н. Могаричевым [1997]).

Экспликация. 1: Возвышение престола, примыкающего к внутренней стене апсиды. 1’: Полка престола с углубленным чашеобразным дном (аналог стационарной напрестольной чаши — потира). 1’’: Сток от «престольной чаши» в резервуар у подножия алтаря. 1’’’: Углубление для ковчежца с закладными мощами. 2: «Чашеобразная» ниша жертвенника. 3: Устье крипты-кимитирия, примыкающей к нише жертвенника. 3’: Углубленный уровень пола (по отношению к уровню пола алтарного пространства) крипты-кимитирия. 4: Купель баптистерия в апсиде (алтаре). 5: Погребальные ниши-аркасолии (стасидии), окаймляющие пространство апсиды (алтаря) Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) храма Чилтер-Коба. 6 (условное обозначение): Место вокруг престола, где неровности пола и отверстия заставляют предполагать здесь наличие некого обособленного околопрестольного пространства, сформированного в виде кивория

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

Поверхность жертвенника в алтаре Чилтер-Кобы сформирована как углубление чаши (рис. 6**:** II**:** *2*), и точно так же устроена та часть престола (рис. 6**:** II**:** *1*’’), которая примыкает непосредственно к жертвеннику. В престоле наличествуют два желоба-слива от верхней углубленной поверхности до желоба-резервуара (рис. 6**:** II**:** *1*’’), по которому освящаемая жидкость (вино) стекала прямо к подножию престола. Наблюдаемая картина сопряжения двух основных литургико-архитектурных (литургико-терractурных) компонентов храма (рис. 6**:** II**:** *1’, 1’’, 2*), непосредственно примыкающих друг к другу, заставляет предполагать, что процедура *преосуществления* (освящения Святых Даров) выглядела следующим образом:

Диакон или диакониса, черпая, переливали вино из «чаши жертвенника» (рис. 6**:** II**:** *2*) в «чашу», высеченную в престоле (рис. 6**:** II**:** *1’*). Над стекающим из этой «напрестольной чаши» по престольному желобу (рис. 6**:** II**:** 1’’), освящаемым вином, простирались руки «носителя благодати» — апостола, епископа или пресвитера-иерея («через возложение рук Апостольских подается Дух Святой»: Деян. 8:18), читавшего в это время молитву Господню, поскольку Самим Христом было сказано: «молитесь же так» (Мф. 43:5; Лк. 11:2; Мк. 11:25). С рубежа I–II вв. вместо «Господней молитвы» могли использовать «евхаристическую молитву» (анафору) из «Дидахе» (гл. IX): «Как этот хлеб, рассеянный некогда, будучи собран, стал одним, так да будет собрана Твоя Церковь от пределов земли в Твое Царство», — как использовали ее в конце IV в. в Каппадокии (см.: Псевдо-Афанасий, «О девстве», гл. 12–13). Это были своеобразные *импровизационные анафоры,* при которых происходило преосуществление вина и хлеба. Таким образом, стекавшее по желобам престола вино *пресуществлялось* в Кровь, составляя неотъемлемую часть Святых Даров.

В непосредственной близости от описанного углубления в поверхности престола — своеобразной «стационарной напрестольной чаши» (*стационарного потира*) — размещена и выемка для закладки реликвий (рис. 6**:** II**:** *1*’’’), освящавших престол (не исключено, что с наиболее ранних *апостольских времен*, таковыми являлись частички хлеба, уже преосуществленные «возложением рук Апостольских» в Тело).

Оставшаяся поверхность престола (рис. 6**:** II**:** *1*; см. рис.5**:** *1*) является двумя наклонными плоскостями: отрезок плоской, слегка наклоненной спиральной ленты (рис. 6**:** II**:** *a*; см. рис. 5**:** II**:** *a*), примыкающей к стене апсиды, и внутренняя поверхность сектора конуса (рис. 6**:** II**:** *b*; см. рис. 5**:** II**:** *b*) с вершиной у основания престола на полу. Возможно, на наклонной в виде отрезка спирали полке располагали хлеб, преосуществляемый в Тело Христово.

В алтарном пространстве Свято-Феодоровского (Ай-Тодорского) храма размещен и баптистерий (рис. 6**:** I**:** *4*; см. рис.5**:** *4*). Крещение и мужчин, и женщин в пространстве алтаря, как и сослужение иереям диаконис возле жертвенника и престола в алтарном пространстве, свидетельствует о значительной

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

древности формирования литургических устройств Ай-Тодорского пещерного храма (Чилтер-Кобы) до появления чина литургии, составленной Василием Великим. Неровности пола вокруг престола (см. рис. 5**:** *6*) могут свидетельствовать о более позднем выделении самого близкого околопрестольного пространства как собственно алтаря при ликвидации института диаконис. Оно могло формироваться в V–VII вв. так, как обустроен алтарь в «храме с баптистерием» Тепе-Кермена [Могаричев 1997: 355–362], возможно имитирующий первоначальный кувуклий в Воскресенском храме Гроба Господня (Анастасисе) в Иерусалиме [Шевченко, Богомазова 2008: 120–134; Шевченко 2008: 169–171].

Отмеченный выше гипотетический фрагмент в чинопоследовании древнейших форм литургии подтверждается и иными литургическими объектами. Рядом с пещерами Ай-Тодорского монастыря (Чилтер-Коба), возле истока священного (и для христиан, и для мусульман) родника Хор-Хор (Горемычный), под скальным навесом устроена купель (рис. 7**:** Ib), функционировавшая и поддерживаемая в порядке еще в XIX в. Купель окаймлена крупными глыбами (0,7–1,2 т), небрежно затесанными, но с ровными поверхностями, образующими небольшую площадку (рис. 7**:** Ia). Интерес представляют два камня (рис. 7**:** II), уложенные на кромке площадки у края балкона над ущельем, куда стекает ручей.

Обнаруженные камни с высеченными на поверхности деталями не были упомянуты в материалах первых значительных натурных исследований Чилтер-Кобы [Веймарн, Репников 1935: 124–125], не попали в поле зрения исследователей при многочисленных визуальных осмотрах памятника во все послевоенные годы [Веймарн 1958: 79; Воронин, Даниленко 1992: 169–177] и не стали предметом изучения во время многолетнего полевого изучения пещерного монастыря на Ай-Тодоре [Даниленко 1993: 99, 102–103, 349–367]. Возможно, этот памятник был вскрыт и освобожден от напластований при переоборудовании купели (и постройке новой стены) монахами возобновленного Свято-Феодоровского (Ай-Тодорского) пещерного монастыря в 2008 г., поэтому летом 2009 г. описанные камни зафиксированы и интерпретированы впервые.

Первый камень обтесан неровно: на его уплощенной поверхности оставлено возвышение в виде невысокого конуса в одном из углов (рис. 7**:** II, III**:** *1*). В вершине конуса выдолблено углубление (d = 10–15; h = 15–16 см) в виде цилиндра (рис. 7**:** III**:** *1*), у сферического дна которого просверлено отверстие к уплощенной поверхности камня, где начинается желоб (рис. 7**:** III**:** *2*), проложенный в виде канавки по поверхности и продолжающийся у самого края камня (рис. 7**:** III**:** *2*’). Желоб от цилиндрического углубления выходит в квадратное в плане и линзовидное в сечении углубление (рис. 7**:** III**:** *3*) примерно такого же объема, что и первое (150–170 см^3). Из квадратного углубления желоб пробит к обрезу камня (достаточно ровно выполненному), состыкованного с таким же обрезом второго камня.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

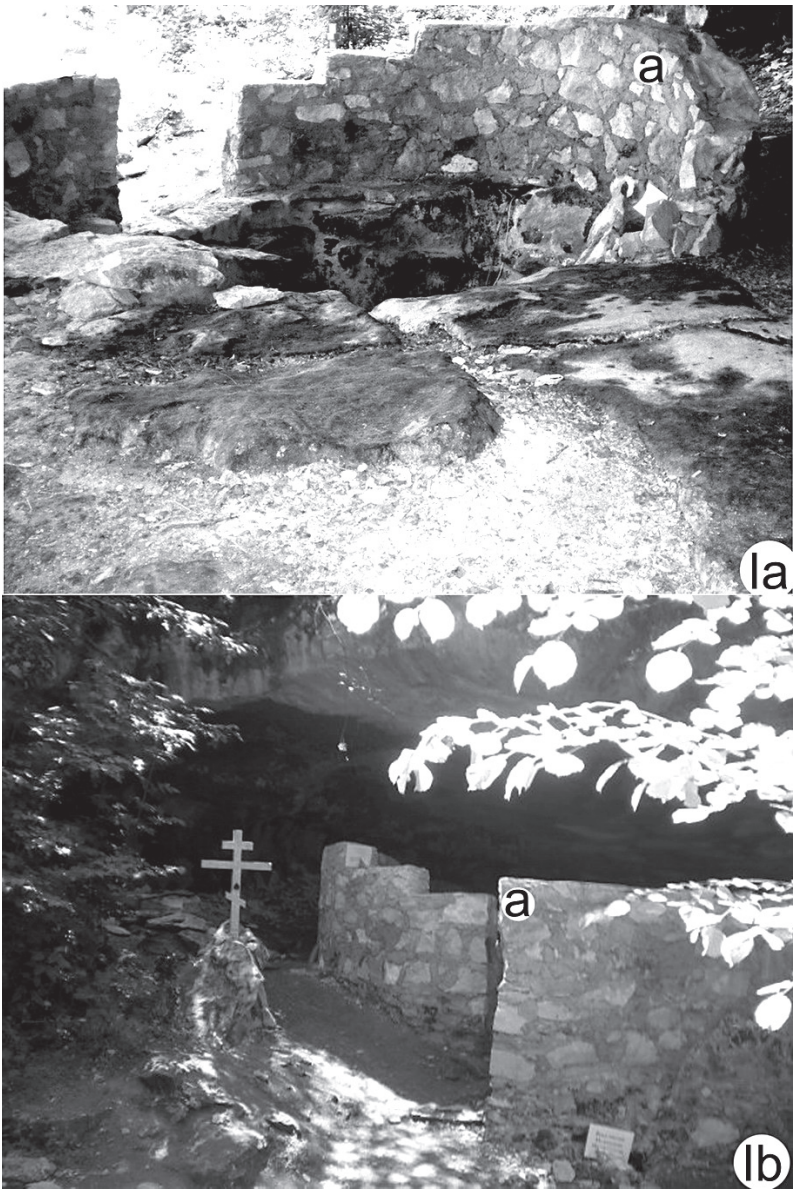

Рис. 7. *I.* Купель у родника Хор-Хор возле пещерного комплекса Чилтер-Коба с горизонтальной вымосткой из крупных каменных глыб и достроенной современной стеной (а)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

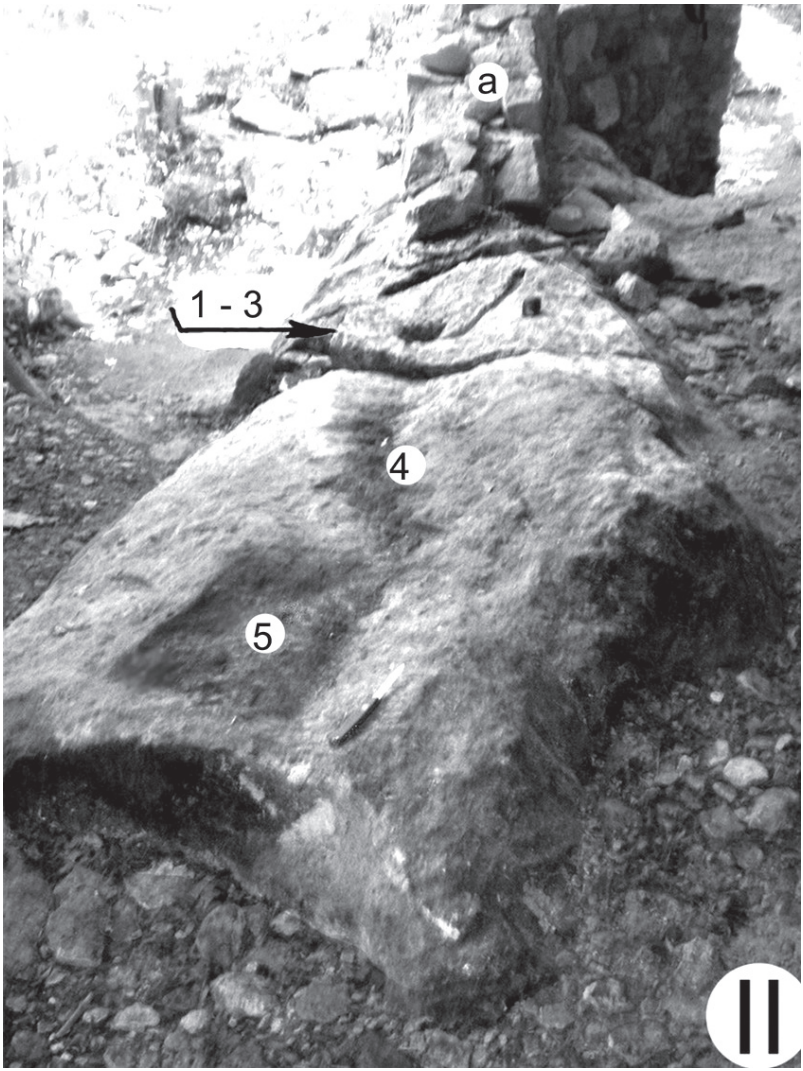

Рис. 7. *II.* Два камня с литургическими устройствами у края вымостки — террасы возле купели у источника Хор-Хор

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

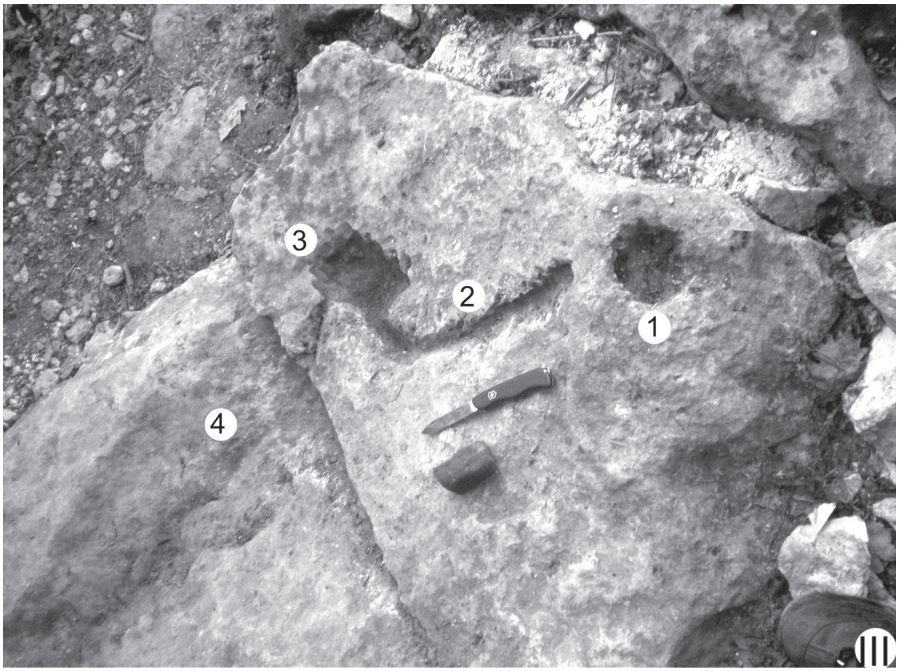

Рис. 7. *III.* Состыковка двух камней с литургическими устройствами на краю вымостки — террасы у источника Хор-Хор в Чилтер-Кобе под скалой «Серый Лоб» у склонов горного мыса Ай-Тодор.

Экспликация (*I–II*). а: Новопостроенная стена на горизонтальной вымостке из крупных каменных глыб.

Экспликация (*II–III*). 1: Цилиндрическое углубление в коническом возвышении поверхности первого камня, соединенное горизонтальным отверстием со сточной желобком-канавкой (2). 2: Сточный желебок. 2’: Желобок стока к ложбине стока на втором камне). 3: Квадратное (ромбическое) углубление-резервуар со сточным каналом (2’) к краю камня. 4: Сток на поверхности второго камня, направляющий стекающую жидкость к неглубокому квадратному в плане резервуару-чаше (5). 5: Резервуар-чаша для собирания стекающей жидкости на втором камне. Фотографии автора. 2009 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

Желоб (рис. 7**:** II**:** *2*’) из квадратного углубления первого камня подходит к его обрезу для стока жидкости в конусообразное углубление (рис. 7**:** II**:** *4*) второго камня. Этот вытесанный на поверхности второго камня конусообразный в плане неглубокий желоб (рис. 7**:** II**:** *4*) выводит стекающую жидкость в квадратное в плане широкое (30–32 — 40–43 см), но неглубокое линзовидное в сечении углубление (рис. 7**:** II**:** *5*). Последний желобок предназначен для стекания жидкости за пределы камня. Поверхности камней имеют легкий наклон, обеспечивающий работу всех углублений и желобов в качестве целостной проточной системы.

Думается, у источника Хор-Хор расположен выносной каменный престол, оборудованный литургическими устройствами для освящения вина, сходный по проточной системе чашеобразных углублений и желобов с престолом в храмовой пещере Чилтер-Кобы (Ай-Тодорском храме). Аналогичные стационарные «водосвятные чаши» [Димитрий 1995: 127] в раннем средневековье высекались на поверхности выносных камней-престолов (рис. 8). Такие *литургические устройства* правильнее было бы называть *стационарными потирами*. Их происхождение связанно с ранневизантийскими литургическими объектами — камнями-престолами, где подобные углубления для освящения жидкости также образуют проточную систему.

Рис. 8. Выносной каменный престол с высеченной «водосвятной» чашей в форме креста, расположенный перед входом в передпещерную «божницу». С. Монастырек (Межигорье) над Серетом. Тернопольская область, Западная Украина. Фото И.С. Винокура. 1968 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

Храмовая пещера-цистерна (рис. 9: II) Saba Cave, раскопанная возле Иерусалима профессором из Великобритании Саймоном Гибсоном [Gibson 2005], использовалась, как считает исследователь, в качестве раннехристианского баптистерия в IV–VI вв. Есть основания полагать, что она функционировала в это время еще и как храм [Шевченко 2008: 152–155, рис. 4] для служения литургии. Судя по наличию обособленной купели, высеченной из монолитного каменного блока (рис. 9**:** I**:** *2*), никак не связанный с этой купелью массивный камень (рис. 9**:** I**:** *2*), вделанный в кладку лестничных ступеней и выступающий из нее, является престолом (рис. 9**:** II). Крестчато-квадратное углубление на его поверхности (рис. 9**:** II**:** *2*) соединено проточным желобом со «следом Иоанна Предтечи» — углублением в виде следа человеческой стопы (рис. 9**:** II**:** *3*) — и свидетельствует об **абсолютной** — ***литургической*** — необходимости протекания жидкости (вина) по поверхности камня-престола. Такая необ-

Рис. 9. *I.* Объем водосборной цистерны раннежелезного века у Иерусалима (Saba cave), в которой в первохристианские времена был устроен храм-баптистерий (по представлениям исследователя — проф. Саймона Гибсона). Вид от каменной лестницы, ведущей в христианский храм ранневизантийского времени с поверхности. *1:* Камень-престол с углублениями «литургических устройств», являющийся частью кладки каменной лестницы. *2:* Камень с высеченной в нем купелью (баптистерий), вложенный в кладку уступа у стены подземного храма

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

ходимость могла быть вызвана лишь потребностями чина *преосуществления* вина в Кровь при использовании «реликварных характеристик» упомянутого следа-углубления («стопы Иоанна Предтечи»). Связь камня-престола со ***ступенями***, выполнявшими еще и функции *синтрона*, только подтверждает его престольный характер.

Не эта ли фаза (освящение *проливанием по престолу*) в древнейшем последовании литургии стала истоком для «Чина омыти мощи святых или како воду с креста пити» [Мусин 2005: 366–368, 373–374, 379–381; ср.: 384], по-

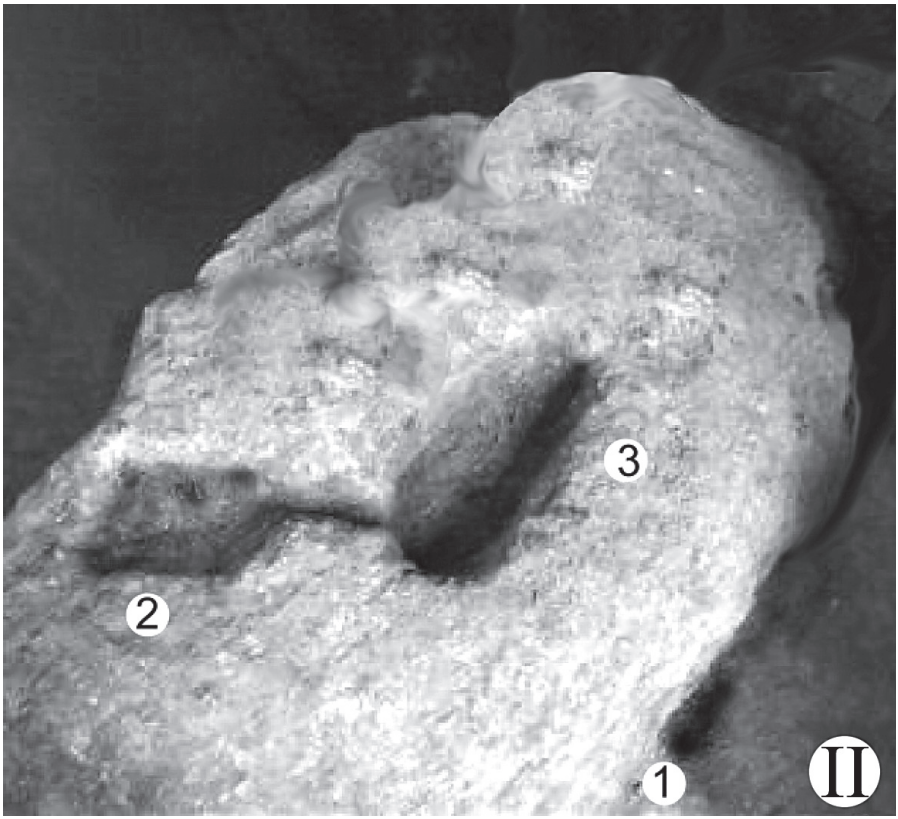

Рис. 9. *II.* «Камень-“следовик”» (1) — престол подземного храма, устроенного в водосборной цистерне раннежелезного века возле Иерусалима (Палестина). Квадратно- ромбовидное (2) углубление на камне соединено ложбинкой водотока с углублением в виде следа человеческой стопы (3) — «следа Иоанна Крестителя», которому посвящен ранневизантийский храм. Рядом с углублением «следа Иоанна Крестителя». Фотографии Саймона Гибсона. 2004 г. [Gibson Shimon 2005]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

скольку подобная фаза литургии могла прообразовывать и в «*чин водосвятия*», и в «чин елеосвящения» вообще? Очень вероятно, что камень-престол у священного источника Хор-Хор, сохранившийся с ранневизантийского времени, был оставлен до позднесредневековых времен в качестве специфического «освятительного устройства».

В наиболее древних престолах ранневизантийского времени, в плите *мензы*, служившей поверхностью престола (бывшей столешницей над погребениями святых в катакомбах Рима) [Голубцов 1995: 84–86], наличествуют два отверстия: одно в виде чашеобразного углубления, второе — сквозное (см. рис. 1). Такое литургическое устройство предполагало не только пребывание вина в «стационарном потире» чашеобразного углубления и его проливание сквозь отверстие в поверхности престола (что соответствовало протеканию освящаемого вина по поверхности престола, из чашеобразного углубления) в процессе преосуществления Святых Даров. Сквозное отверстие в престольной плите еще и давало возможность некоего «пронимания» хлеба, преосуществляемого в Тело посредством пропускания Его через сквозное отверстие в плите-мензе древнейших престолов.

В современной этнографии выделен ряд феноменов, объединенных так называемой «пронимальной символикой» [Щепанская 2003], связанной в первую очередь с «прониманием» младенца, рождающегося на свет (что по необходимости символизируют и начальные фазы процесса литургии, понимаемые как приход в мир Жертвенного Агнца, — его «пронимание» из чрева Богородицы). «Пронимальная символика» охватывает значительную сферу представлений в бытовой, повседневно-обрядовой и даже магической практиках. Ее широкое распространение именно в христианской среде [Щепанская 2003: 149–190] не может рассматриваться вне осевой для всего христианского мира служебной обрядности ранней Церкви. Наличие в поверхностях древнейших престолов отверстий для «пронимания» сквозь них хлеба, преосуществляемого в Тело, ставит вопрос о начальных фазах литургии древнейшей Единой Церкви, предусматривавших «*проливание*» вина по поверхности престола и «*пронимание*» сквозь эту поверхность хлеба в процессе их *преосуществления* в Кровь и Тело Спасителя.

Таковы наблюдения по некоторым материалам Крыма, которые могут быть дополнены еще одним: сам объем пещерной церкви Чилтер-Коба (Ай-Тодорского храма) сформирован как древняя водосборная цистерна. Судя по обработке стен Чилтер-Кобы, она являлась вполне рукотворной пещерой (орудийная обработка наблюдается абсолютно на всех поверхностях пещерного храма), заложенной по небольшой карстовой полости. По планиметрии пещерная церковь Чилтер-Кобы схожа с храмовым объемом пещерной церкви Мега Спилеон на Греческом Пелопоннесе [Шевченко 2009: 80–83], основанной свв. Прокопием, Феодором и их сестрой Екатериной около 362 г. н.э.; схож

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

храм Чилтер-Кобы и с упомянутым храмом Saba Cave под Иерусалимом, исследованным С. Гибсоном (см. рис. 9**:** I).

Полной, единственной и древнейшей аналогией престолу Чилтер-Кобинского храма в Тавриде представляется такой же объект в пещере на Патмосе (рис. 10), принадлежавшей ап. Иоанну Богослову [Дмитриевский 1892: 326–492]. Это знаменитая «пещера Апокалипсиса» на о. Патмос, к которой уже при жизни свт. Иринея Лионского (130–202 гг.), бывшего учеником ученика Иоанна Богослова (свт. Поликарпа Смирнского, +155 г.), относились как храму [Фаррар 1891: 62–83; Аверинцев 1991: 549–551]. Престол, занявший уступ, бывший в 81–96 гг. I в. н.э. «лежанкой» («сидением») Апостола, сформирован для «пролива» по нему жидкости (рис. 10: *1*), а жертвенник, тоже имеющий чашеобразное углубление (рис. 10: *2*), примыкает к престолу, составляя с ним единство литургического объекта, как в храмовой пещере Чилтер-Кобы.

Судя по размещению в алтарной части храма и купели-баптистерия, и ниши жертвенника, возникновение пещерного Ай-Тодорского храма не выходит

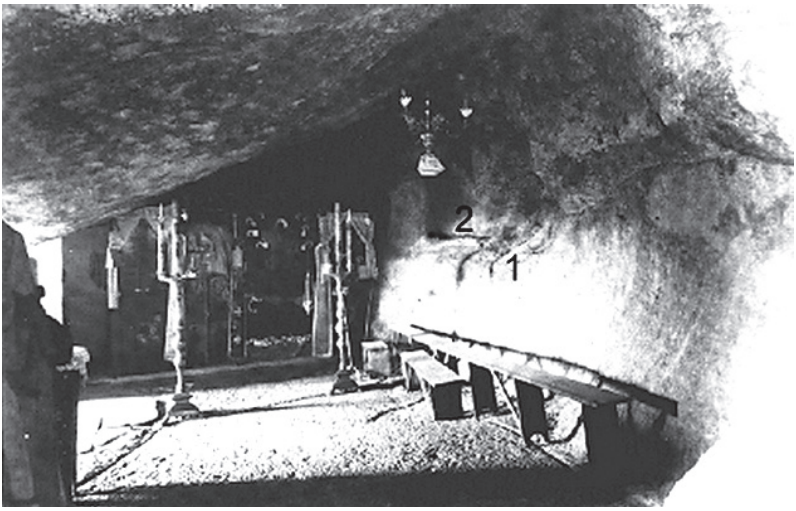

Рис. 10.

Вид престола (1), предназначенного для пролива жидкости и жертвенника (2) с чашеобразным углублением и желобом слива, в пещере Иоанна Богослова на о. Патмос (Греция). Фотоотиск протоиерея Димитрия Попружного (Черниговская епархия УАПЦ МП, Украина). Снимок сделан фотографом Г.Р. Свэйном (G.R. Swain) в составе экспедиции Мичиганского университета под руководством Фрэнсиса В. Келси (1919–1920 гг.). Негатив хранится в Келсианском Археологическом музее при Мичиганском университете в Энн Арборе (штат Мичиган, США) [Thelma 1990: Neg.7.389]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

за рамки первой третьи IV в. н.э., соответствуя существованию института диаконис; а время эксплуатации его древнейших литургических устройств лежит в пределах IV–VI столетий [Шевченко 2008: 164–166]. Судя по древнейшим престолам в пределах «Голгофа» и «Темница Христова» в храме Гроба Господня (см. рис. 1) и подземной церкви Рождества Богородицы в Иерусалиме, престол Ай-Тодорского (Свято-Феодоровского) пещерного храма в Крыму поставлен до серии упомянутых древнейших престолов Иерусалима, установленных, согласно Церковному Преданию, при августе Елене после Первого Вселенского собора Церкви в Никее (325 г.) и до кончины императора Константина Великого (337 г.).

Уже во времена крестоносцев с 90-х гг. XI в. представления о литургическом характере этих древнейших престолов были утрачены, в результате чего слагается легенда о «колодках Христа», где абсолютно не объясняется «чашеобразность» второго отверстия (см. рис. 1), в отличие от сквозного — первого, — также «колодкой» не являвшегося. Но в результате сложения легенды как своеобразного (и неверного) «объяснения» упомянутый придел Иерусалимского храма Гроба получает свое наименование «Темница Христова». Аналогично слагается и легенда об «отверстиях», куда «вставляли кресты для распятия», в том числе Честной Крест Христов (придел «Голгофа»).

Храмовый престол Чилтер-Кобы и выносной престол у источника Хор-Хор не предназначены для «пронимания» хлеба при его преосуществлении в Плоть Христову, как престолы Иерусалимского Анастасиса (см. рис.1); но они имеют все характеристики престолов предназначенных для проливания по их поверхности вина при преосуществленнии жидкости в Кровь Спасителя, как подобные функции имел камень-престол со следом стопы, приписываемой Иоанну Предтече (см. рис. 10: III), в пещерном храме возле Иерусалима. Так же сформирован престол в крипте Богородицы, высеченной в останце, расположенном в пещерном храме Успения в Иерусалимской Гефсимании [Шевченко 2009б: 162–169]. Все это свидетельствует о времени возведения таких («проливных») престолов в самый ранний период первохристианских времен. Не исключена связь «проливных» желобов на камнях-престолах с елеосвящением, поскольку обряд миропомазания был непременным атрибутом крещения в Ранней Церкви [Мещерская 1997: 158, 170, 237, 244, 259–260, 334-335, 345, 359, прим. 52].

Хотя наиболее ранняя керамика, обнаруженная на склонах под пещерным комплексом Чилтер-Коба осторожно датирована V в. н.э. [Даниленко 1993: 102–103, 349–367], на уплощенной вершине рядом возвышающегося отрога расположена Сюйреньская крепость [Веймарн, Репников 1935: 115–124; Талис 1974], а у подножия мыса Куле-Бурун имеются поселения (исследованные Л.А. Омельковой), начальное время существования которых определяется позднеантичным (позднеримским) временем — IV–V вв. [Мыц 1991]. Неподa-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

леку — в долине р. Бельбек — наличествуют и могильники раннего и позднего римского времени I–IV вв. [Гущина 1974].

В связи с вероятной хронологией устройства престолов Чилтер-Кобы до 325–337 гг. небезынтересным является то обстоятельство, что весь III в. н. э. на юге Северного Причерноморья проходит под эгидой гото-римских войн, а **христианское вероучение** в качестве массового явления, как показывает анализ «Церковных историй» Созомена и Филосторгия, **пришло в Крым вместе с пленниками из Каппадокии** [Василевский 1909: 276, сл.]. Тем более что оба крупных готских похода на Каппадокию 264 г. и 275 г. были предприняты готами с берегов Меотиды, т.е. через Боспор [Юрочкин 1999: 326–332], а епископ Боспора Кадм вместе с епископом Херсонеса Филиппом уже присутствовал на Первом Вселенском соборе 325 г. (на Втором, 381 г., — епископ Еферий [Якобсон 1959: 28]). «Каппадокийский след» ощущается и в свете приведенных аналогий раннесредневековым пещерным храмам Таврики.

Библиография

Аверинцев С.С. Иоанн Богослов // Мифы народов мира: Энциклопедия / Под ред. *С.А.* Токарева и др. Т. 1 (А–К). М., 1991. С. 549–551.

Атанасов Г. Кападокийски културни влияния в скалната обител при Мурфатлар // Приноси към българската археология. София, 1992. Т. I. С. 79–84.

Атанасов Г. За един старобългарски скален манастир от X–XI век в Централна Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Том втори. Велико Търново, 1993. С. 61–73.

Атанасов Г. Кримски реалии на единоколрабните църкви без притвор в Добруджа и Източна България през X–XI век // Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Том трети. Велико Търново, 1994. С. 51–69.

Беляев Л.А. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е стереотипное изд. СПб., 2000. 575 с. (Сер. «Византийская библиотека»).

Василевский В.Г. Хождение Апостола Андрея // Тр. В.Г. Василевского. СПб.: изд. Имп. Акад. наук, 1909. Т. II. Вып. 1. С. 232–295.

Веймарн Е.В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. 1958. № 1. С. 71–79.

Веймарн Е.В., Репников Н.И. Сюйренское укрепление // ИГАИМК. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции. М.; Л., 1935.

Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Пещерный ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978. С. 114–144.

Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1. С. 72–80.

Воронин Ю.С., Даниленко В.Н. Обстоятельства и время возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

Гайдуков Н.Е. Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики (на примере трех пещерных храмов округи пещерного города Эски-Кермен) // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Украины — Руси: Материалы научной конференции (Судак, 16–22 сентября 2002 г.) / Под ред. Н.М. Куковальской и др. Киев; Судак, 2002. С. 71–75.

Гайдуков Н.Е. Церковная археология (Краткий словарь терминов). Симферополь: СОНАТ, 2009. 64 с. + 25 илл.

Гайдуков Н.Е., Желтов Михаил, диак. Престолы пещерных храмов Юго-Западного Крыма // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Материалы III Судакской международной научной конференции. Киев; Судак, 2006. Т. 2. С. 76–85.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор, Чуфут-Кале. Симферополь, 1993.

Голубцов А.П. Из чтений по Церковной археологии и литургике. СПб.: САТИСЪ, 1995. 372 с.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Даниленко В.Н. Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 92–367.

Димитрій, Патріарх. Печерні монастирі, скити та келії у світі й Україні // Основа. № 28 (6). Київ, 1995. С. 118–134.

Дмитриевский А. Иоанно-Богословский мон-рь на о. Патмос по сравнению с святогорскими монастырями идиоритмами // Труды Киевской Духовной Академии. № 11. Киев, 1892. С. 326–492.

Мещерская Е.Н. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М.: Присцельс, 1997. 456 с.; 11 илл.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997. 383 с.

[*Муравьев А.Н.*] Путешествие по святым местам Русским. СПб., 1846. Ч. I. 296 с.; Ч. II. 384 с.

Мусин А.Е. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2005. С.363–386.

Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991.

Талис Д.Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Наука, 1974.

Порфирий (Успенский), епископ. Святыни земли Италийской (Из путевых записок 1854 года). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

Репников Н.И. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. Вып. 117: Материалы Эски-Керменской экспедиции. М.; Л., 1935. С. 102–114.

Слукин В.М. Архитектурно-исторические подземные сооружения. Свердловск, 1991. 285 с.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

Струков Д.М. О древне-христианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. М., 1872. 14 с.

Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876. 51 с.; илл.

Струков Д.М. О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879. 20 с.

Струков Д.М. Жития святых Таврических (Крымских) чудотворцев. Изд. 2-е. М., 1882. 72 с.

Фрикен А. фон. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства. Ч. I. Римские катакомбы. М., 1872.

Христианство. Энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. I. 863 с.

Шевченко Ю.Ю. Нижние ярусы подземного Ильинского монастыря в Чернигове, игумены обители и «иерусалимский след» в пещерном строительстве // Археология, этнография и антропологии Евразии.2006. № 1 (25). С. 89–109.

Шевченко Ю.Ю. Символика орнаментаций «Цветной комнаты» Белогорского пещерного монастыря в Подонье // Археологическое изучение Центральной России: Международная научная конференция к 100-летию Всеволода Протасьевича Левенка, Липецк, 2006а. С. 371–375.

Шевченко Ю.Ю. Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Христианство в регионах мира. Вып. 2 / Отв. ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 151–207.

Шевченко Ю.Ю. Планиметрия восточнохристианского пещерного храма раннесредневековой Восточной Европы (VII–XII вв.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II / Отв. ред. академик РАН А.П. Деревянко, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров. М: Наука, 2008а. С. 458–462.

Шевченко Ю.Ю. Домашние святыни: Богородица Пещерная на древнехристианских филактериях // Славянский ход / Отв. ред. Е.А. Резван. СПб.; Сургут; Ханты-Мансийск, 2009. С. 71–101.

Шевченко Ю.Ю. 2009а. «Литургическая археология» и раннесредневековая датировка некоторых пещерных храмов Восточной Европы // РА. 2010 (в печати).

Шевченко Ю.Ю. О египетских элементах в христианском храмовом престоле // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы / Под ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянова. Брянск: Изд-во Брянского ГУ, 2009б. С. 162–169.

Шевченко Ю.Ю., *Богомазова Т.Г.* Третий Рим — Четвертый Иерусалим // Христианство в регионах мира. Вып. 2 / Отв. ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 120–134.

Шевченко Ю.Ю., Уманец А.Н. Палеоэтнографические данные о формировании традиции христианских подземных святынь, Синай и Палестина // Музей и археологическое наследие России: Сб. научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 59–71.

Шмеман Александр, прот. Введение в литургическое богословие. Киев: Пролог, 2004. 230 с.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН

Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / Отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб., 1999. С. 149–190. (Сборник МАЭ. Т. XLVII).

Эрнст Н.Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. III. С. 15–63.

Юрочкин В.Ю. Боспор и православное начало у готов // Боспорский феномен: Греческая культура на переферии Античного мира: Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999. СПб., 1999. С. 326–332.

Якобсон В.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63. М.; Л., 1959.

Berder M. Un Itineraire au Mount des Oliviers // Le Monde de la Bible. 1988. Vol. 55. P. 10–31.

Frend W.H.C. The Archaeology of Early Christianity: A History. Minneapolis, 1996. 391 p.

Gibson Sh. The Cave of John the Baptist: The First Archaeological Evidence of the Historical Reality of the Gospel Story (Paperback). London, 2005. 416 p.

Mango C. Byzantine Architecture // History of World Architecture. New York, 1985.

Mathews Th.F. The Early Churches of Constantinopole: Architecture and Liturgy. NJ, 1980.

Taylor J.E. Christians and the Holy Places: The Myth of Jewish-Christian Origins. Oxford: Clarendon Press, 1993. 384 p.; 13 pls.; 31 figs; 4 maps.

Taylor J.E., Gibson Sh. Beneath The Church of the Holy Sepulchre. Jerusalem; London, 1994.

Thelma K. Thomas. Dangerous Archaeology: Francis Willey Kelsey and Armenia (1919–1920) / Francis Kelsey's Expedition and Armenia (1919–1920): an exhibition presented at the Kelsey Museum of Ancient and Mediaeval Archaeology. September 1990 — February 1991. Kelsey Museum of Archaeology, University of Michigan, 1990. 72 p.; ill.

Wilkinson J. Jerusalem as Jesus knew it. London, 1978.

Wilkinson J. Peregrinato Aetheriae = Egeria's Travels: Newly translated with supporting documents and notes. London, 1981.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/07/978-5-88431-187-7/
© МАЭ РАН